

Огонек

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 44 (292). 28 октября 1928 г.

РОЖДЕНИЕ „ЧАЙКИ“

Очерк Юр. Соболева к 30-летию Московского Художественного театра.

Если дата официального открытия Московского Художественного театра, — „Художественно-Общедоступного“, как он назывался 30 лет назад, — 14-е октября 1898 г. (первое представление трагедии Ал. К. Толстого „Царь Федор Иоаннович“), то несомненно, датой его „духовного рождения“ является 17-е декабря этого же 1898 г. — премьера „Чайки“ А. П. Чехова. В этот вечер театр одержал такую победу, которая предопределила всю его дальнейшую судьбу. О нем рассказывает вышитая на сером занавесе чайка — неизменная эмблема Художественного театра.

Рождалась „Чайка“ в очень тяжелый момент: театр после успеха „Царя Федора Иоанновича“ переживал кризис. Ни одна из новых постановок — „Шейлок“, „Гражданин“ и „Счастье Гретты“ (обе пьесы шли в один спектакль), „Потопивший колокол“ (спектакль, сыгранный в Обществе искусства и литературы, и уже знакомый Москве) — сборов не делала. В кассе едва набиралось сто рублей.

Затем неожиданное запрещение гауптмановской „Ганнеле“, на которую возлагали много надежд, и которая церковными властями была признана „кощунственной“, — и мрачное уныние сменило те смелые ожидания и дерзкие мечты, с какими так бодро и молодо начинал театр свой путь.

„Чайка“ была первой из тех пьес, видеть которую в репертуаре нового театра было даным и заветным стремлением Вл. И. Немировича-Данченко. Еще задолго до своей встречи с К. С. Станиславским, Вл. И. Немирович-Данченко готовил „Чайку“ для одного из ученических спектаклей в Филармонии, драматическими классами которой он руководил. Он и тогда уже заражал своей любовью к Чехову творческое воображение будущих актеров Художественного театра — О. Л. Книппер, Вс. Э. Мейерхольда, П. М. Москвина, О. Л. Роксанову. И двое из них — Мейерхольд и Роксанова — пришли в театр уже под огромным воздействием Чехова, пришли, как подлинно „чеховские“ актеры.

Эта ученическая постановка по разным причинам не состоялась, но с большим трудом удалось Немировичу-Данченко провести „Чайку“ и в репертуарный план создавшегося театра.

Чехов казался тогда писателем не для сцены, его новая драматургическая форма еще не была почувствована. Даже такой чуткий художник, как К. С. Станиславский, и тот признавался, что он „не понимает Чехова“ и не знает, „как это можно играть“. Вл. И. Немирович-Данченко

сумел сломить лед предубеждения, и „Чайка“ не без сопротивления была включена в репертуар первого сезона. „Чайкой“ увлеклись, „Чайку“ оценил, наконец, и

ку“, он рискует многим. Над ней тяготели воспоминания ее провала в 1896 г. на сцене петербургского Александринского театра. Эта неудача так подействовала на самого Чехова, что он поклялся никогда больше не писать для сцены, и Немировичу понадобилось много усилий для того, чтобы добиться от него согласия на постановку пьесы в Художественном театре.

Репетировали „Чайку“ с большим первым подъемом. И вероятно оттого, что работа держала всех в таком хорошем напряжении творческих сил, пьеса потребовала сравнительно небольшое количество репетиций — всего 26, или 80 часов.

Чехов приезжал из Ялты осенью, за месяц до открытия театра, и был на одной из репетиций „Чайки“. Воспоминая его будущей жене О. Л. Книппер сохранили нам дату: 9-е сентября 1898 года. О. Л. Книппер рассказывает, что в этот вечер произошло знакомство Антоны Павловича с труппой театра. Тут произошло, вероятно, то самое, что было во время первой встречи наивной провинциальной девушки Нины Заречной с знаменитым писателем Тригорным. Оба смущались. О. Л. Книппер так и пишет: „Не знали, как и о чем говорить. И он, то улыбаясь лучистое, то вдруг необычайно серьезно смотрел на нас с каким-то смущением, пожевывая бородку и вскидывая пенсы“. Занятые в пьесе ждали от него указаний, но он „внимательнее всего рассматривал античные урны, которые тут же изготовлялись для спектакля „Антигона“. Так ничего от него и не добились. Были разочарованы, надеялись: вот автор раскроет все тайны „Чайки“, а автор только и намерен сказать: „Там же в пьесе все у меня сказано“.

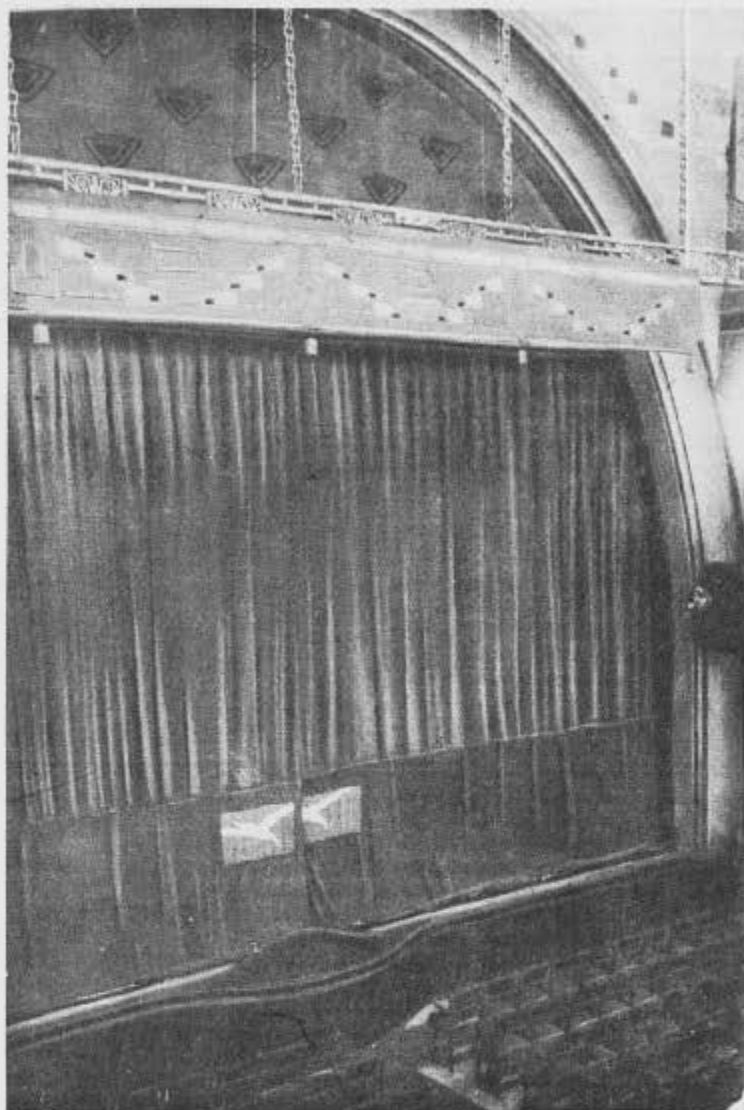
— А как играть?

— А играть надо... Хорошо надо играть, как можно лучше.

Затем он уехал опять на свой „Чортков остров“ — в скучную Ялту.

В день генеральной репетиции далеко не были убеждены в победе. Только один А. Л. Вишневский смело предсказывал успех. Ему не верили. И был такой момент, когда едва не согласились на просьбы М. П. Чеховой — сестры Антоны Павловича — снять постановку, если нет полной уверенности в успехе: новый провал „Чайки“ мог бы стать катастрофой для Чехова. Вечер принес не только успех, но такой триумф, который переломил судьбу сезона, предопределил будущее театра.

Когда задвинулся занавес первого акта, показалось, что все провалилось. Артисты и углубо прижалась друг к другу и прислушивались к публике.

Занавес МХАТ. На нем чайка — эмблема театра.

Фот. С. Фридлянда.

К. С. Станиславский, разработавший интереснейшую мизансцену ее постановки. И все же театр понимал, что, стави „Чай-

Первая постановка „Чайки“ 17 декабря 1898 г.: К. С. Станиславский и роли Тригорина, М. П. Ляпина (Маша), М. Л. Роксанова (Нина Заречная). Неопубликованный снимок.

Гробовая тишина. Из-за кулис тянулись головы мастеровых и тоже прислушивались. Кто-то залапал. Книппер подавила истерическое рыдание. «Мы молча,—вспоминает К. С. Станиславский,—двинулись за кулисы. В этот момент публика разразилась стоном и аплодисментами. Бросились давать занавес. Говорят, что мы стояли на сцене в пол-оборота к публике, что у нас были странные лица, что никто не догадался поклониться в сторону зала, и кто-то даже сидел... В публике успех был огромный, а на сцене была настоящая пасха. Целовались все, не исключая посторонних, которые ворвались за кулисы. Кто-то валялся в истерике. Многие, и я в том числе, от радости и возбуждения—танцевали дикий танец».

Ночные заметки московских газет, выпущенных на следующий день после премьеры, констатировали полный успех спектакля: «Успех произведение Чехова имело несомненный, и вызовы автора, особенно после третьего акта, были довольно единодушны. Ведение вызовов публики, г. Немирович-Данченко в антракте между 3-м и 4-м актами объявил зрителям, что автора в театре нет; тогда из зрительного зала раздались крики: «Послать телеграмму». Несколько минут спустя, г. Немирович-Данченко вновь появился на сцене и заявил, что желание публики исполнено, и приветственная телеграмма г. Чехову послана. Из исполнителей публика вызвала г. ж. Книппер (Аркадина), Роксанову (Нина), гг.: Станиславского (Тригорин) и Мейерхольда (Трелев).

Сбор был неполный: до аншлага было очень далеко.

По болезни О. Л. Книппер, — в Москве свирепствовала эпидемия инфлюэнцы, — второе представление «Чайки» было отменено, равно как и третье. Только 28 декабря удалось сыграть «Чайку» во второй раз. Это было то самое второе представление пьесы, которое вызвало известную статью А. И. Урусова в «Курьере» —

обширную рецензию, полную восторженных похвал. Это дало тон всей московской прессе, единодушно констатирующей победу как Чехова, так и молодого театра.

Появились восторженные поклонники «Чайки», не пропускавшие ни одного представления.

«Чайка» стала модной темой для разговоров во всех московских редакциях и светских салонах. Особенно горячо дискутировали у Варвары Морозовой—миллионерши-меценатки, у которой собирался по пятницам кружок московских писателей нового направления. П. К. Иванов, выпустивший некогда книжку «Студенты в Москве», в одной из своих позднейших статей, вспоминая о том шуме, который наделала «Чайка», рассказывает, что именно в салоне Морозовой А. И. Урусову пришла мысль написать Чехову приветственный адрес от имени публики.

Вот текст этого адреса (публикуется впервые):

3 января 1899 г.

Многоуважаемый Антон Павлович!

В публике, восторженно приветствующей каждый вечер вашу «Чайку», неудержимо сказывается стремление выразить автору свою благодарность и сочувствие.

«Благодарим нас за давно неиспытанное в театре наслаждение. Вы подарили русской сцене поэтическую картину, в которой наша жизнь отразилась с удивительной силой. Нет среди зрителей человека, который не узнавал бы в ваших персонажах самого себя. Вы впервые осветили в человеческой душе неизведанные уголки. Вы сделали в ней открытия.

«Примите же, дорогой мастер русского слова, наши пожелания ваших новых успехов на драматическом поприще. Мы ждем от вас новых откровений».

Подписи энергично собирал тогда совсем юный—гимназист 8 класса,—Г. И. Чулков. Среди 300 подписавшихся были: мо-

лодые приват-доценты: П. С. Коган, В. М. Фриче, убежденный сединой редактор «Русских Ведомостей» В. Соболевский, восторженная поклонница А. П. Чехова—Т. Л. Щепкина-Куперник, первая пославшая весть об успехе «Чайки», входивший в славу Федор Шалалин.

А. П. Чехов в ответ на приветствие театра прислал телеграмму следующего содержания (публикуется впервые):

«Передайте всем: бесконечно и всей душой благодарен».

«Сижу в Ялте, как Дрейфус на острове Дьявола. Тоскую, что не с вами. Ваша телеграмма сделала меня здоровым и счастливым.—Чехов».

Болезнь держала Чехова в Ялте всю зиму. Только постом мог он приехать в Москву. Театры были закрыты. Чтобы доставить Чехову возможность посмотреть «Чайку», удалось снять помещение «Парадиза» (теперь «Театр Революции») и в чужих декорациях сыграть пьесу в закрытом, только для автора, спектакле.

А. П. Чехов принял спектакль сдержанно. О. Л. Книппер вспоминает, что актеры, почувствовавшие себя в непривычной обстановке, да еще в присутствии автора, потеряли тон и играли хуже, чем обычно.

После спектакля был товарищеский ужин, на котором Чехов оценивал по пятибалльной системе постановку и исполнение. Это делалось в шутку, конечно, но участники «Чайки», получившие затем от Чехова медалионы на память, угадывали, как радостен был Чехову этот успех его «Чайки».

На медальоне, подаренном Вл. И. Немировичу-Данченко, выгравирована следующая надпись: «Ты дал моей «Чайке» жизнь. Благодарю».

Но «Чайка» дала жизнь и самому театру. Верный и прочный союз с Чеховым был заключен.

Художественный театр делался «Домом Чехова».

Юр. Соболев,